

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Владимира Пекальчука
в серии
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

СКОЛЬЗЯЩИЙ СКВОЗЬ НОЧЬ. СХВАТКА С СУДЬБОЙ
СКОЛЬЗЯЩИЙ СКВОЗЬ НОЧЬ. ЖИВЫЕ И МЕРТВЫЕ

ЖЕСТКО И БЫСТРО

Владимир ПЕКАЛЬЧУК

ЖЕСТКО И БЫСТРО

Роман

Москва, 2016
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
П23

Серия основана в 2004 году
Выпуск 618

Художник
В. Федоров

Пекальчук В. М.

П23 Жестко и быстро: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 312 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-2281-4

Душа старого мастера боевых искусств, погибшего в неравной схватке с медведем, оказывается в параллельном измерении в чужом теле. Это дает ему еще один шанс... и не только ему.

Жестко и быстро — отсылка к стилю «Госоку Рю», дословно — «жесткий быстрый стиль». А его создатель, мастер Такаюки Кубота, в высшей мере неординарный человек, послужил прототипом главного героя.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Пекальчук В. М., 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

ISBN 978-5-9922-2281-4

*Эта книга посвящается людям, которые доказали
и продолжают доказывать:
человеческим возможностям предела нет*

Я знал, что мне не выйти живым из этого боя: противник слишком силен и велик, а я уже слишком стар. Лет сорок — пятьдесят назад я еще имел бы какие-то шансы на победу, но уж точно не на девятом десятке.

Картины моей жизни проносятся перед глазами, пока враг пытается прийти в себя после того, чем я его угостил: он не привык получать отпор, особенно от безоружных людей, так что его шок, боль и страх мне почти понятны. Почти — потому что сам я не боюсь. Если я когда-то и знал, что такое страх за себя, — то давно забыл, когда это было, в старческой забывчивости есть свои плюсы.

Мое детство пришлось на тяжелые военные годы, и потому ничего удивительного, что все, чему меня обучал отец — убийство врагов. Вообще-то тренировки начались в четырехлетнем возрасте, но призрак войны витал над моей родиной уже тогда. К тому же отец совершенно правильно полагал, что боевые искусства — путь к самосовершенствованию, и позаботился, чтобы я и все пятеро моих братьев изучили хотя бы один стиль. Было жестко и туго, в день приходилось делать по пятьсот ударов руками и ногами — в четыре-то года, восклицали те, кому я рассказывал о своем детстве. Это действительно выматывало, но таков фундамент, на котором выстроилась вся моя жизнь.

А врагов убивать мне так и не пришлось. Напротив, я каждый день носил еду летчикам упавшего возле города самолета, которых отец разместил на своей маленькой фабрике: у полиции не было помещения для пленных американцев, вот они и обратились к отцу. Американцы в общем-то оказались вовсе не

такими чудовищами, какими их рисовало мое воображение. Отец обращался с ними так хорошо и великодушно, как мог, хотя многие жители, обозленные бомбежками, требовали пыток или даже казни. Для меня же общение с пленниками стало полезным опытом, я впервые сумел взглянуть на привычные вещи с точки зрения человека из совершенно иной культуры.

А вот следующая картина. Горы, мы с друзьями охотимся на кабанов, все, что у нас есть, — наши кулаки и заостренные палки. Когда я рассказываю об этом, больше всего удивляются те, кому приходилось охотиться на кабана с ружьем или крупнокалиберным пистолетом. Мол, с палками — да на кабана?! Просто ружей у нас не было, а кушать хотелось. Война, голодно, такие дела.

Как правило, люди, привыкшие к оружию, не мыслят, как можно без него обойтись. Свои собственные руки они не воспринимают как оружие. В чем-то они правы: чтобы кулак стал равен мечу или молоту, надо приложить очень много усилий.

В двенадцать лет я, желая проверить свою мощь, устроился на скотобойню. Свиной, многие из которых были под двести кило, там убивали деревянным молотом, но я убивал их кулаком. Одним ударом любой руки. Все удивлялись, как я, двенадцатилетний мальчик, метр в сандалиях, так могу. Они не знали, что в четыре я начинал с пятисот ударов в день.

Медведь поднимается на задние лапы, возвышаясь надо мною почти вдвое, жить остается всего ничего, и картины моей жизни начинают проноситься перед глазами быстрее.

В тринадцать я приехал в Токио. Послевоенный город встретил меня беспорядками и нищетой. Приходилось туго, у меня не было ни жилья, ни денег. Спал на вокзалах и в храмах, приходилось заглядывать и в мусорники. Не скажу, что этот год мне вспоминать приятно, но лишения закалили мой характер так же сильно, как тренировки — тело.

Затем произошла судьбоносная встреча. Я стоял в очереди за бесплатной едой, случилась ссора. У подоспевших полицейских возникло затруднение с буйном, и я им помог. Конечно же им было крайне удивительно получить помощь от тринадцатилетнего паренька, который смог то, чего не смогли они.

Так я встретился с человеком, который принял немалое участие в моей судьбе. Я некоторое время жил у него, в благодарность за кров и еду давая ему уроки тайхо-дзюцу. Инспектор же помог мне закончить обучение и устроил работать преподавателем в полицию.

Да, я стал знаменитостью уже тогда. В четырнадцать лет я обучал профессиональных полицейских и, глядя на это со стороны, теперь понимаю: да, это было необычно и удивительно для любого, кто не знал, что в четыре года я делал в день по пятьсот ударов руками и ногами. А тогда мне все казалось нормальным, ведь я мог и умел то, чего не могли полицейские.

Мой стиль, жесткий, но эффективный, показался им идеальным для послевоенного Токио, где банды якудза нередко превосходили полицию по части боевой подготовки. Чтобы проверить и доказать эффективность моей методики, я вовлекался в операции полиции. Одно из самых ярких воспоминаний — как меня во время беспорядков высадили в самой гуще событий, а час спустя за обезвреженными бунтарями приехало шесть грузовиков. Неудивительно, что вскоре я заработал себе прозвище «подразделение подавления беспорядков из одного человека».

И пошло-поехало. В семнадцать я открыл свое додзё и обучал полицейских самообороне. В девятнадцать — основал «Общественную ассоциацию карате». В двадцать один я уже преподавал в Америке, а затем и по всему миру, включая Интерпол. Мой стиль, быстрый, жесткий и эффективный, принимали все. Люди, не обученные владеть своим телом как мощнейшим оружием, искренне поразились, когда я, при росте едва ли полтора метра и весе шестьдесят шесть кило, на показательном выступлении сломал руку американскому копу, который был на тридцать сантиметров выше и весил девяносто пять. Многие так и не поверили, что это была досадная случайность. Что я не нарочно это сделал, а просто немножко перестарался, слегка переоценив рост и вес противника.

Дальше моя жизнь пошла по закономерному пути. Признание, ученики, додзё во многих странах мира, собственный стиль, лишенный украшательства, совершенно неэффективный,

но эффективный. Я получил десятый дан, который в большинстве случаев присуждается посмертно. Мне присвоили звание «Живая легенда». Заслужил ли я? Не мне судить, ведь не я себя так назвал. Всю мою жизнь, довольно долгую, я посвятил тому, чтобы научить людей защищать себя в любых ситуациях и не имея никакого оружия. Я учил их, как стать лучше. Учил быть воинами телом и душой.

И вот пришел мой последний экзамен. Экзамен не учителя — но воина.

Так уж вышло, что на горной дороге моя машина сломалась, а мобильный телефон — не привык я к этой новомодной штуке — разрядился. Меня подвезла молодая семья — муж, жена и двое мелких малышей. Правда, у них тоже с техникой не заладилось: машина заглохла на узкой горной дороге десять километрами дальше.

Мы оказались не в том месте не в то время, потому что и медведь тоже забыл что-то на этой дороге. Что — не знаю, он не сказал, а я не спрашивал.

Выйти из машины, когда рядом беснуется придурковатый зверь? Глупо, правда? Будь я в машине один — конечно же я бы не вышел. Это в молодости я однажды дрался со стокилограммовым медведем и убил его одним ударом в голову, сейчас мне уже за восемьдесят, и этот медведь куда крупнее того.

Однако объяснить орущим от ужаса малышам, что медведь не доберется до них в машине, не удалось ни мне, ни бледным от страха родителям. Чем это кончится для них? Ничем хорошим, детские травмы — самые тяжелые. Это, разумеется, если медведю не удастся забраться в машину и они выживут.

И тогда я принял решение. Я не только учитель, я воин в первую очередь. А быть воином — значит жить, когда нужно жить, и умереть, когда нужно умереть.

Нет, я никогда не горел желанием пожертвовать своей жизнью. Разве что задумывался об этом в детстве, когда видел пролетающие над головой вражеские бомбардировщики. Смерть, которой умирали камикадзе — самая доблестная из всех смертей на свете, но я думал об этом исключительно отвлеченно, так как ясно понимал, что в камикадзе меня не возь-

мут. Не потому, что десятилетний пацан не справится с управлением, — просто желающих записаться в тейсинтай всегда было втрое больше наличествующих самолетов. И даже прими меня кто каким-то чудом — я должен был бы подложить себе на сиденье истребителя что-то, чтобы нормально смотреть из кабины, и в этом случае не достал бы ногами до педалей. Так что ни малейшего шанса стать камикадзе я тогда не имел.

Но теперь я могу стать им. Нет, мысль о героической смерти меня не особо радует, но я должен исполнить свой долг. Я должен отдать свою жизнь, чтобы жили те, которые только начали жить.

Я потянул за ручку и открыл дверцу. Медведь бросился ко мне в обход машины, разъяренный и нетерпеливый, и тут я удивил его в первый раз. Силы, конечно, уже не те, но мастерство я шлифовал всю жизнь. Сейчас я, наверное, уже не смог бы убить свинью одним ударом, но медведя он, мой бесхитростный сэйкэн-цуки, пронял, это я понял по его реву.

Шаг в сторону, мягкий разворот и снова в сторону. Зверь полон ярости и желания со мной расквитаться, но теперь он уже не так слепо напорист. От его ударов лапой я ухожу, разрывая дистанцию, и увожу его все дальше от машины. Медведь теряет осторожность, подставляется — и я атакую. Быстро и жестко, без изящества, но эффективно. Удар — и в сторону. Его рев — наилучшая оценка моим ударам. Сломал ли я медведю что-то? Не знаю, не те уже мои удары, не те... Но он идет за мной, прочь от машины — это главное.

Мое сердце пытается выскочить из груди, колотясь, словно птица в клетке, из последних сил. Перед глазами картины моей жизни и круги... Я на свое сердце не в обиде — оно верой и правдой служило мне больше восьмидесяти лет. Медведь словно чувствует, как я стремительно слабею, начинает наглеть, а мои ноги уже налились свинцом. Я все еще заставляю его уважать мою силу, но время на исходе, ноги не желают отрываться от асфальта.

Теперь я просто добыча — так он думает.

Он ошибается. И пока еще не знает, чего будет стоить ему эта ошибка.

И вот медведь поднялся в полный рост, почти три метра злости и силы. Пытается запугать, но... я его не боюсь. Я ничего не боюсь, ведь моя жизнь, долгая и насыщенная, уже и так позади. Как и его.

Я не знаю, почему медведи так любят подниматься в полный рост на задних лапах. Наверное, чтобы выглядеть больше и сильнее... На меня это не действует, я давным-давно доказал, что можно убивать медведей и свиней одним ударом кулака даже при росте полтора метра.

Да, я уже стар, но кое-что у меня еще есть в запасе. Я атакую исполина быстро и жестко. Так я жил, так я дрался, так я учил жить и сражаться моих учеников, так я и умру.

Все силы — в один рывок. Вся воля — в одно движение, в один удар. Да, медведь смотрит на меня свысока, как на букашку, которую вот-вот раздавит.

Но он не учел, что, выиграв в росте, сильно проиграл в устойчивости.

И забыл, что стоит на самом краю.

Я налетаю на него, впечатывая кулак в брюхо, жестко и быстро, а затем по инерции налегаю плечом. Я не вижу, как опускаются на мою спину и голову его когтистые лапы: медведь переваливается через ограждение, и я вместе с ним.

Нас ждет короткий путь вниз, на камни у подножия скалы. Полный ужаса для него и умиротворения — для меня. Я прожил свою жизнь правильно, и смерть моя достойна воина.

Падая вниз, успеваю улыбнуться — жестко и быстро.

* * *

Очень жарко, словно в духовке. Жарко и хочется пить. Где я?

Открываю глаза. Песок и камни. Сколько хватает глаз — вокруг в зыбком мареве только песок и камни, и чуть поодаль — скалы. И солнце над головой, яркое, жгучее.

Нет, серьезно, почему я здесь? И вообще, «здесь» — это где?

Пытаюсь встать, но тело не слушается. Дрожь, предательская дрожь в конечностях, язык распух, едва ворочается в пе-

ресохшем рту. Поднимаюсь, вначале на колени, упираясь руками в горячий песок, затем с трудом ставлю ногу, руки — на колени. Усилие — и я стою в полный рост, шатаюсь от слабости.

Оглядываюсь вокруг. Песок, камни, валуны. Над головой солнце, яркое, горячее. Что это за место? Закрываю на миг глаза. Медведь, удар, полет, приближающиеся камни. Я помню все четко и ясно, но это не дает ответа на простой вопрос: где я? Горный массив, прижавшаяся к отвесной скале на большой высоте узкая дорога, заглохшая машина на этой дороге — куда они подевались? Я еще помню, как в момент падения глаз выхватил внизу камни и деревья — но тут деревьев нет. Вообще. Ни одного.

Делаю шаг, потом второй. В какую сторону идти? Да мне без разницы, потому что я не знаю, ни где я, ни почему я тут. Для меня все стороны равны. Хотя нет, не равны. Не совсем. Вон впереди скала, высокая, выцветшая на солнцепеке. Мне туда. Не знаю почему, но уверен, что надо туда. Хотя все логично: вокруг ведь больше нет ничего, только эта скала — и до самого горизонта лишь песок, камни и валуны.

Шаг, еще шаг. Песок, который так обжигал руки и колени, щадит мои ступни. Опускаю глаза — сандалии. Простые сандалии из кожи и ремешков. Надо думать, не «Адидас» и не «Пума», скорее кустарщина, хотя на вид довольно неплохи, даром что поизносились малость. Ну да, ручная работа.

Перед глазами круги, но я иду вперед. К скале. Может быть, там хотя бы тень найду, ибо солнце словно взбесилось. А в голове все крутятся вопросы: где я? Как сюда попал? И... кто я? Я... я помню, все помню. Пятьсот ударов в день, охота на кабана с палками, скотобойня, Токио, полицейские, мое додзё, мои дети, внуки... Горная дорога, плачущие малыши, медведь, удар, толчок, полет... Это не может быть сном или горячечным бредом, не бывает снов длиною в жизнь.

Впрочем... да, все на своих местах. Я упал вниз, на камни, но не умер мгновенно, и все, что сейчас вокруг меня, — всего лишь предсмертная галлюцинация. Жарко и хочется пить — потому что я истекаю кровью, а раненым всегда хочется пить. И весь этот фантазмагорический пейзаж — просто образы, ко-

торые перематывает мой умирающий мозг. Хотя... если верить ученым, предсмертные видения — неуправляемая агония мозга, люди, пережившие клиническую смерть, рассказывали, что все происходило независимо от них и даже над откровенно бредовыми образами они не задумывались, так как возможности осознанно думать у них не было. А я — думаю. Я критически осмысливаю происходящее, я контролирую и направляю свои мысли. Мыслию — следовательно, существую.

Только мое осознанное мышление по-прежнему отказывается дать ответ на простой вопрос: где я?

Вот и скала. Я без сил падаю с той стороны, где на песке — узкая полоска тени. Здесь не так ужасно, но все равно мучительно жарко, все тело горит от солнечных ожогов. Есть объяснение, которое дает ответы на все вопросы, кроме одного, — я в аду. Но если так — то за что? Чем я заслужил это?

Проматываю в голове картины из прошлой жизни. Вот я охочусь на кабана — просто я хочу есть. Скотобойня... Я пошел туда не только чтоб заработать, но и чтобы проверить свою силу. Но свиней убили бы так и так, и не всегда деревянный молот дарил им мгновенную смерть, а я неизменно убивал их с первой попытки. Вот я путешествую в горах, дерусь с медведем и получаю от него шрам на всю жизнь, но не я напал на него. Моя работа в Токио? Я никогда в жизни не нарушил святой принцип карате — не применять свою силу против другого человека иначе чем для защиты себя и других. Я никогда не проявлял жестокости. Жесткость — да, ровно столько, сколько было нужно, но никогда ни с кем не поступил излишне жестоко. Весь мой путь был примером того, чему я учил своих учеников. Я никогда не отнял человеческую жизнь хотя мне пару раз выпадали и возможности, и достаточные моральные причины для этого, и юридические основания, — но я ни разу не нанес смертельного удара другому человеку.

Так за что я здесь? Не брал чужого, уважал и чтил kami¹, поклонялся духам павших в храме Ясукуни, всю свою жизнь жил как воин и умер как воин, защищая других. Разве не за-

¹ Японское божество, дух. — *Здесь и далее примеч. автора.*

служил я места в храме Ясукуни? Или хотя бы просто тихого местечка среди других ками?

Никто не ответил мне. Что ж, я снова, как тогда в Токио, один-одинешенек во враждебном окружении, мне не привыкать. Правда, там это были разъяренные бунтовщики, с которыми я мог справиться. Здесь это солнце и жара — противники, для кулака неуязвимые и недостижимые.

Ладно, надо встать и идти дальше. Даже если я мертв и смерть мне уже не грозит — валяться на этой жаре бесконечность не вариант. Надо что-то делать, я пока не знаю, что именно, но не собираюсь сдаваться.

Я никогда не сдавался при жизни, не сдамся и после смерти.

С трудом поднимаюсь и иду вдоль скалы, стараясь держаться в тени. В голове шум, ноги слушаются с трудом, но я иду. У меня выбора-то нет, надо идти. Если повезет — найду место, где смогу забраться повыше и осмотреться.

Но прямо за небольшим выступом меня ждал сюрприз: в скале зияла чернота пещеры. Проем — три метра в высоту, четыре в ширину. Прямо подарок, внутри наверняка будет не только полная тень, но, должно быть, и чуточку прохлады. Все относительно, конечно, плюс сорок — это пекло страшное, но, когда находишься на солнцепеке в пятьдесят, — сорок по Цельсию все равно что райский уголок.

Внутри действительно чуть прохладнее, и радости моей пределов нет. Передышка, хвала местному ками. Избавление от жуткой жары — сказочное облегчение, даже несмотря на то, что жажда терзает похлеще медведя.

Сажусь у стены, она кажется прохладной, но попытка прислониться вызывает неприятную боль: кожа спины обожжена беспощадным солнцем. Прислоняюсь все равно: надо дать отдых уставшим мышцам тела, а боль... Для того, кто закалял свое тело ударами бейсбольной биты, это пустяк.

Закрываю глаза, измученные слепящим светом, после яркой пустыни в пещере темнее, чем ночью безлунной. Измотан так, что вставать и куда-то дальше идти не хочется, но придется, если только я не собираюсь просидеть здесь, страдая от жа-

жды, до конца времен. Буддистам и христианам в этом плане получше, первые верят в последний приход Будды, вторые — в Армагеддон. А я синтоист, да и то не особо рьяный, так что не уверен, наступит ли конец времен вообще. Перспектива нерадужная.

Постепенно шум в ушах идет на убыль, сердце успокаивается, к жажде я постепенно начинаю привыкать, как и к боли в обожженных, израненных конечностях и спине. Обостряются другие чувства — и вот мои ноздри начинают чують нечто знакомое. Запахи детства. Ничего приятного, просто запах разложения плоти, очень слабый. Он знаком мне по военным годам и скотобойне, не спутаю. Где-то есть что-то гниущее, но запах едва заметен, либо источник далеко, либо очень старый и потому слабо пахнет.

Хм... А ведь признак нехороший. Пещера, запах разлагающейся плоти... неужели логово зверя? Я без понятия, какая тварь может обитать в этом раскаленном аду, но... Правда, есть и второй вариант: где-то поблизости труп другого путника, который нашел здесь укрытие и скончался. И в обоих вариантах для меня содержится важная догадка: запах разложения — это и есть запах смерти. Однако в аду, где все уже и так мертвы, смерти нет. Я не знаток по загробным мирам, но... Логика, чтоб ее.

Открываю глаза и вглядываюсь во мрак. Глаза немного отвыкли от яркого света и потому начинают что-то видеть. Точнее — очень слабый свет, исходящий от сталактитов. Раньше я не различал его, так как для зрения, приспособившегося к ослепительному дню, свечение сталактитов больно уж слабое.

Однако одно я вижу точно: пещера есть лишь начало хода вглубь скалы. Исследовать? А почему бы и нет, альтернатива все равно только одна — наружу, в пылающий ад... Кстати!!! Ведь сталактиты образованы благодаря стекающим каплям влаги, а это значит, что их можно полизать. Здесь, у самого входа, они высоко и короткие, влаги тут мало, воздух сух. Но в глубине, может быть, я смогу найти влагу или даже ручеек. Знаю, что размечтался, но... а вдруг?!

Поднимаюсь с трудом, но с удивлением отмечаю, что за этот непродолжительный отдых сумел немного восстановиться. Будь мне лет тринадцать, я бы не удивился, но для восьмидесяти это как-то слишком... С другой стороны, в экстремальных ситуациях человек способен на многое из того, что в обычных условиях кажется запредельным, и если бортмеханик русского полярного летчика, вспрыгнувший на высокое крыло самолета при встрече с белым медведем, еще не очень удивляет, то старушка, встретившаяся с бурым и забравшаяся на двадцатиметровую сосну, — это уже что-то чуть более поразительное. А я, если вдуматься, в такой же передрыге, что и та бабулька.

Медленно и осторожно иду вглубь. Видно плохо, но, чем дальше в пещеру, тем длиннее сталактиты, и тем светлее. Ход часто поворачивает туда-сюда, вот появляются и сталагмиты, пока маленькие, но тоже светящиеся. Становится еще светлее, читать бы не получилось, но видно в этом полумраке уже вполне сносно. Пробую пальцем сталагмит — сухой, а до сталактита пока не достать. Надо идти дальше.

Поворачиваю за очередной изгиб прохода, здесь тоннель расширяется, образуя некое подобие зала, совсем небольшого. Ничего примечательного на первый взгляд нет, но в углу у стены я замечаю темную массу. Подойдя ближе, я понял, что передо мною — источник запаха.

На полу лежал человеческий труп, и если б не свечение сталагмитов, я бы его не нашел.

Подхожу ближе и осматриваю. Лежит давно, потому что запах слабый, это заметно и по состоянию тела, оно иссушено и чуть ли не мумифицировано. Покойник — мужчина высокого, по сравнению со мной, роста, я не могу рассмотреть, во что он одет, но вижу, что на его груди — нечто похожее на бронежилет, точнее — на кирасу, но не металлическую. Керамика? Кевлар? Я не особый знаток в материалах для бронежилетов. Причина смерти не ясна, но рот широко раскрыт, глаза впали, но на месте.

Мне становится жутко. Нет, дело не в самом мертвце — в глазах. Труп с выклеванными глазами — да, приходилось ви-

деть еще в детстве, так что этим меня не удивить и не про-
нять — сушая ерунда по сравнению с мумифицированным тру-
пом, у которого сохранились глаза. Я как-то смотрел по теле-
визору передачу об итальянских катакомбах, где монахи
какого-то ордена сохраняли трупы умерших, взрослых и детей,
сортируя отдельно чиновников, адвокатов, военных и так да-
лее. Нет, я не боюсь взгляда пустых глазниц, но вот высохшие,
мумифицированные глаза — в них есть что-то очень жуткое.

И вот такое я сейчас наблюдаю. Правда, лицо покойника
обращено к потолку и потому мне не кажется, что он смотрит
прямо на меня, но... Жутковато.

Делаю вдох-выдох. Труп трупом, а мне надо что-то делать
далее. Продолжаю осмотр и внезапно замечаю округлый
предмет у пояса мертвеца... Фляга?!!

Да, фляга. Берусь за нее, начинаю тянуть — и ощущаю, как
внутри переливается жидкость. Хвала всем восьми мираидам
ками и лично Амадэрасу, она не пустая! Начинаю дергать с бе-
зумным остервенением, откуда и силы взялись. Рывок, что-то
трещит, и вот металлическая фляга с болтающимся ремешком
у меня в руке. Отвинтить пробку оказалось нелегко, плотно за-
кручена, должно быть, оттого и сохранила внутри влагу. В глу-
бине сознания мелькает мысль, что вода внутри может быть
либо затхлой, либо вообще непригодной для питья, но мне уже
все равно, я сейчас не то что бензин — сырую нефть хлеб-
нул бы.

Жидкость обжигает горло и бьет в нос запахом спирта. Во-
да, притом нормальная. В нее добавлено небольшое количест-
во спирта — именно поэтому она не стала затхлой, пролежав
тут кто знает сколько.

Я выпиваю все и, запрокинув голову, стряхиваю в рот по-
следние капли. Показалось очень мало, но я сделал вроде бы
десять или одиннадцать больших глотков. То есть стакана два-
три. А это в моем положении уже что-то. Сглатываю, отпра-
вляя в утробу последние капельки, прислушиваюсь к ощущени-
ям. Вроде бы и горло уже не деревянное, и распухший язык
как-то ожил. Ну ничего, еще чуть поживу, значит... Поживу.

Интересный оксюморон в устах того, кто свалился в пропасть с медведем в обнимку, хех.

Посидев немного на полу с пустой флягой в руке, я почувствовал, что мне уже значительно лучше, даже не столько в физическом плане, сколько в психологическом. Я, конечно, по-прежнему в полной заднице, сижу в пещере посреди раскаленной пустыни, истощенный и обожженный солнцем, без запасов воды и еды. К тому же желудок проснулся и напомнил, что я также безумно голоден — так это скорее добрый знак... пока. Самую главную проблему, которая могла бы убить меня очень быстро — жажду, — я уже сбросил со счетов. Воды, правда, нет, и вскоре жажда вернется, но несколько часов я выиграл и сейчас чувствую себя довольно уверенно. Надо как-то решать остальные проблемы, и теперь они не кажутся мне такими уж неразрешимыми, возможно, тут и некоторая заслуга алкоголя: он притупляет чувство страха.

Осматриваю труп: мне сейчас не до гадливости. На нем помимо чего-то, похожего на бронежилет, штаны характерного военного образца и легкие, военного же типа ботинки. Я осмотрел свою одежду — раньше мне было не до этого — и пришел к неутешительному выводу, что для прогулок по пустыне я как-то больно уж слабо экипирован. Короткие штаны, сандалии, легкая футболка, на голове... ничего, только густая копна длинных волос. Однако я не очень удивился, как сумел не схватить тепловой удар, гораздо больше меня заинтересовали волосы. Я всю жизнь коротко стригся или брился налысо, откуда настолько длинные волосы? Сроду не носил таких, это ж надо несколько месяцев их не стричь, чтобы такие отросли... Сразу же вопрос: где я был все эти месяцы между падением в пропасть и этим моментом?

Выбрасываю любопытство из головы: здесь мне ответов не найти. Вот выберусь куда-то, сам не знаю куда, — может, что и прояснится.

Шарю по карманам покойника — ничего. Остается его одежда и обувь. Ботинки мне великоваты будут, бедолага — метр семьдесят, а я — едва полтора, но все равно лучше чем сандалии, в которых скрипит песок. Стаскиваю их с мертвеца —

вонь изнутри страшная, но я чего-то такого и ожидал. Правда, все оказалось не так уж и плохо: в этом аду труп не сгнил, а высох, так что, кроме запаха, проблем возникнуть не должно.

Штаны я рассматривать не стал в принципе: после смерти у человека расслабляются сфинктеры, со всеми вытекающими последствиями. Причем вытекающими в самом буквальном смысле слова.

При попытке снять с покойника рубашку-бронезилет я обнаружил причину смерти: бедолага, видимо, пятился, споткнулся — и упал затылком на невысокий сталагмитик. Смерть на месте.

Тем не менее я снял с него нагрудник — он оказался каким-то ну очень уж легким, как для бронезилета, едва ли полкило — и рубашку, которая была под ним. Рубаха, ясное дело, жутко воняла, когда я ее тормозил, как и весь покойник, но на вид продуктами разложения не запачкалась. Само собой, что надевать ее можно будет только после тщательного осмотра при свете солнца.

Еще на шее трупа я обнаружил кожаный ошейник с замочком, который не поддавался раскрытию. Он показался мне ну очень знакомым, но я никак не мог вспомнить, где его видел. Ладно, пока имеем рубашку и ботинки, уже что-то. Надо вернуться к выходу и хорошенько рассмотреть трофеи.

Подойдя к выходу, где солнце бросало на пол пещеры свои лучи, я, оставаясь в тени, выставил на свет один ботинок и целых несколько секунд пытался понять, что тут не так.

А потом понял. Мои руки — они... они совсем чужие. Это не мои руки!

Длинные, тонкие пальцы, кожа потрескалась и покраснела, но это кожа не старого бойца, а паренька-подростка. И главное — где мои мозоли?! Где мои мозоли на костяшках размером в пятак, которые образовались у меня еще в детстве благодаря нормативу в пятьсот ударов?! Даже если я поверю на миг, что это загробный мир, в котором я помолодел и отрастил волосы, это не мои руки! У меня никогда в жизни не было таких рук! Где мои мозоли, набитые бесчисленными тысячами ударов?!!

— Что это за?.. — попытался воскликнуть я и осекся.

Голос — он тоже не мой.

Совершенно чужой голос, и дело даже не в том, что горло и язык все еще не оклемались от страшной жажды. Я бы узнал свой мальчишеский голос, а этот, звонкий и какой-то чрезмерно громкий, — он чужой. Такой голос просто не может быть моим.

Я уронил ботинок и выставил на свет эти чужие руки, которые почему-то растут из моих плеч, повертел так и сяк. Ладони в общем-то тоже гладкие, к работе или тренировкам непривычные, у основания большого пальца левой руки маленький шрам, которого у меня никогда не было. Забавная шутка, и мне безумно хочется узнать, кто же этот хренов шутничок. Ведь я, оказывается, на самом деле совсем не я.

Я попытался почесать затылок и внезапно наткнулся рукой на что-то. Кожаный ошейник, вроде бы такой же, как и у трупа. И чем дольше я его ощупывал, тем сильнее он мне не нравился, внутри стремительно нарастало желание поскорее его снять.

Однако попытки расстегнуть замок успеха не принесли, а порвать его, скорее всего, не удастся: под кожаной оболочкой я нащупал твердую цепочку, скорее всего, металлическую. Кто бы ни надел на меня эту хрень, он позаботился, чтобы я не смог от нее избавиться. По мере того как я прислушивался к своим ощущениям, ошейник казался мне все более мерзким и отвратительным. Чтоб ему...

И в этот момент позади меня раздалися шаги. Негромкие, они доносились из-за ближайшего поворота.

Я обернулся и увидел очертания человеческой фигуры, появившейся из-за угла, но из-за того, что глаза снова привыкли к яркому свету, не смог сразу рассмотреть.

— Э... Коничива? — сказал я, мысленно посетовав на чужой голос.

А силуэт, пошатываясь и шаркая ногами, сделал еще несколько шагов ко мне и вышел на более освещенный участок прохода.

И тогда я понял, от кого пятился тот несчастный, напорившийся затылком на сталагмит.

Передо мною стоял мертвец. Точнее, не стоял, медленно, но целеустремленно он пер прямо на меня, не отрывая застывшего взгляда своих иссохших глаз.

Меня пробрала дрожь, когда в кровь выплеснулась дикая порция адреналина. Этого не может быть, я либо брежу в бессознательном состоянии, либо... Ну да, ад. Как минимум ходячего мертвеца это объясняет.

Он шел прямо на меня, отводя назад руку для удара. В его пальцах — рукоять какого-то странного оружия, похожего на дубинку или булаву. Шестопер? Нет, у того ударная часть в виде шестиперьевого стабилизатора минометной мины. Бuzдыган? Да, это уже ближе к истине... Равно как и само оружие — ко мне.

Решение я принял моментально, благо подходящий опыт у меня был. Как-то я обезвредил шестерых грабителей, вооруженных ножами, используя в качестве оружия собственную обувь. Нагнул и схватил в руки ботинки покойника — это уже что-то.

Вот он совсем близко, его корпус начинает разворот, в мою сторону по дуге летит удар бuzдыгана. Но медленно очень, и я, хоть и уставший, легко уклоняюсь. Замах для ответного удара...

О это мерзкое, страшное чувство!

Мне кажется, будто кто-то разрезал мои руки, вырезал мышцы и вместо них напихал под кожу мочалок. Это чужое, незнакомое тело — оно совершенно не годится для рукопашного боя! Я знал, что так оно и получится, с той минуты, как только понял, что это тело — не мое, закаленное в тренировках на протяжении семидесяти пяти лет, знал... Но одно дело знать, что тело непригодно к бою, и совсем другое — почувствовать это при попытке нанести удар.

Ботинок угодил каблуком по плечу мертвеца — совсем не туда, куда я пытался ударить, да и вообще это не удар. По крайней мере, теперь я знаю, что ощущает охотник, обычный человек, на которого несется разъяренный медведь, а у него в ружье только холостые патроны.

Я никогда не чувствовал себя незащищенным и безоружным. Ни когда в одиночку умирал толпу, ни когда дрался с медведем в молодости, ни даже когда пару часов назад — только пару ли? — дрался с медведем уже будучи стариком. Мои кулаки — сокрушительное и безотказное оружие. Мое тело — моя броня, мой самый лучший доспех, который я «выковал» ударами бейсбольной биты. Пусть оно не могло устоять против острого ножа или когтей, но в своей шкуре я никогда не ощущал себя незащищенным и голым. Только... где оно теперь?! Шутник, провернувший со мной этот издевательский фокус, каким-то образом запихнул меня в тело сопляка, который не то что никогда не трудился до изнеможения — вообще вряд ли поднимал что-то тяжелее ложки. Но все восемь мириадом kami свидетели, что прямо сейчас я предпочел бы встретить неупокоенного монстра в своем собственном старом, но проверенном теле. Всего одна минута — и даже если мертвого во второй раз не убить, я переломлю нежить вдоль и поперек так, словно его скелет пропустили через мельницу... Точнее, переломлю бы, ведь сейчас я в таком положении, что меня самого можно соплей перешибить надвое.

Замах буздыгана, я уворачиваюсь, беспокойный покойник теснит меня наружу. В голове одна мысль: не дать себя выставить, я должен оставаться в пещере! Снова замах — и мощный удар сверху вниз. Наметанным глазом я замечаю, что ударная часть летящего вниз буздыгана чуть отклоняется на рукоятке — значит, рукоять гибкая... Резиновая?

Отскакиваю в сторону, мертвец промахивается, я пытаюсь ударить его ботинком по запястью... Воистину я не в состоянии назвать кошмар страшнее, чем тот, в котором оказался сам. Ситуация фантазмагорическая, и хоть плачь, хоть вскачь: боец-грандмастер, десятый прижизненный дан, живая легенда, создатель собственного стиля — заперт в немощном теле изнеженного подростка. Я знаю, как одним ударом сломать этому неуклюжему кадавру обе руки, хребет, как снести голову, как без труда отобрать у него оружие... Я знаю, как уложить уroda мордой в пол и удержать в таком положении ногой и двумя пальцами!

Знаю — но не могу. Ничего не могу. Тело, которое мне кто-то подсунул, непригодно для нанесения простейшего удара.

Снова удар, я снова отпрыгиваю в сторону и обхожу противника, чтобы не дать выгнать себя под палящие лучи. Правда, отступать вглубь тоже не вариант, проход сужается, и, если там нигде нет кольца или широкой комнаты, — я буду приперт к стенке в тупике в два счета. Что же делать?!

А мой противник не проявляет ни злости, ни гнева, ни нетерпения, ни усталости. Он просто идет ко мне, размахивается и неуклюже бьет. У меня все же есть одно преимущество: может быть, предыдущий хозяин тела увлекался танцуйками, так как подвижность весьма неплоха, похуже, чем у меня в этом возрасте, но тут надо сделать скидку на истощение.

Однако ни один бой нельзя выиграть, только уклоняясь и защищаясь. Нужен удар, который я не могу нанести. Проклятье, танцевать туда-сюда бессмысленно, враг неживой и, скорее всего, не устает, значит, время играет против меня.

Надо решаться на что-то.

Я снова отскакиваю, буздыган задевает стену... Кррак! Вот это вспышка! Оружие, оказывается, электрическое, стоит ему лишь задеть меня — и на этом все кончится.

— Ладно же, — говорю я скорее себе, чем врагу.

Ва-банк.

Я поворачиваюсь и быстро отступаю вглубь пещеры. Да, будет просто замечательно, если мононокэ¹, зомби, ёкай², или что это за мертвяк, тут не один...

Вот и расширение пещеры с покойником, наколовшим свою голову на сталагмит. Здесь не так просторно, но места для того, что я задумал, должно хватить.

Пока противник неспешно бредет, шаркая по полу, ко мне, выстраиваю примерный план боя. Я стою тут, он идет ко мне, быстрый маневр... Если получится — хорошо, если нет — отсюда я могу отступать направо, после чего понадобится один раз уклониться от удара, чтобы выйти на позицию, аналогичную

¹ Мистическое существо из японского фольклора.

² В японской мифологии — сверхъестественное существо, живой мертвец.

стартовой... И тогда еще одна попытка, благо враг, судя по всему, не блещет интеллектом.

Он все ближе, я тем временем восстанавливаю дыхание. Мертвец входит и шаркает ко мне именно тем путем, каким я и предвидел. Главнейший вопрос теперь — как он ударит, справа налево или сверху вниз.

Будзыган уходит вверх, поднимается для удара — идеально! Делаю шаг навстречу и в сторону, а затем, пока враг скован инерцией летящего вниз оружия, стремительно пробегаю мимо него ему за спину, резко торможу и бросаюсь в обратную сторону. Моя нога в движении вперед резко наступает ему на левую икроножную мышцу, сразу под коленом, я подкрепляю натиск весом собственного тела, одновременно толкая мертвеца в спину рукой.

Получилось! Он заваливается вперед и влево, не сумев восстановить равновесие. И падает как раз туда, куда я и хотел его уронить.

На невысокие, но острые сталагмиты.

Хруст и скрежет костей по камню — это сейчас как музыка для меня. Пара каменных зубов торчит из вражьей спины, он больше не двигается. Странно, он, по идее, и так был мертвый, что ему пара дыр и переломов?

Приглядевшись, я понял, в чем дело: он также умудрился налететь на небольшой сталагмит глазницей. Не совсем логично, конечно, но я принимаю как данность. Да, повезло, что все вышло, как вышло.

Мысленно посылаю поклон Морихэю Уэсике: именно его учение, легшее в основу айкидо, и его боевая система помогли мне победить. Мастер не раз подчеркивал, что его невозможно одолеть при помощи физической силы, потому что сам он таковую вообще не использует. Некоторое преувеличение в этом есть, но вот сейчас я спасся из очень плохого положения, обойдясь без силы, которой у меня просто нет. Все-таки не зря у меня пятый дан в айкидо.

Я подобрал с пола оружие противника. Килограмма два, рукоять действительно резиновая, есть и переключатель. Я пару раз тыкнул будзыганом в поверженного врага. Треск и

вспышка, но тело не реагирует. Ну да, оно ведь не особо свежее.

Пахнет, конечно, — Небеса, спасите. Обшариваю карманы и вытаскиваю из одного плоский предмет, заключенный в прозрачную пленку, из другого — ключи. Обычные себе такие ключи, только не современные плоские, а старомодные флажковые односторонние. Они мне без надобности.

Выхожу обратно, чтобы рассмотреть находку на свету. Выглядит как что-то съестное. На серой бумажной обертке под пленкой — черные буквы странного вида. Смотрю на них несколько секунд, а затем внезапно понимаю — это же шоколад из военного сухпайка, на нем именно это и написано!

Разрываю пакет руками и зубами — шоколад, плотная черная плитка без квадратиков. Ее не стало в считанные секунды, желудок приятно потяжелел, и я даже поймал себя на мысли, что безумно благодарен тому мертвяку за шоколадную плитку, словно это не он только что пытался припечатать меня электрической дубинкой.

Затем меня начало клонить в сон — типичная реакция истощенного организма, который наконец-то утолил голод и жажду, но спать сейчас нельзя, вначале необходимо исследовать пещеру до конца, если она не очень большая. А чтоб не заблудиться — помнить правило любой руки.

С электродубинкой я почувствовал себя намного увереннее, не факт, что оно действует на мертвых, но хоть какое-то оружие. Миновав комнату теперь уже с двумя трупами, прошел дальше, свернул несколько раз и внезапно вышел в довольно большой зал высотой метров восемь, с крупными сталактитами и сталагмитами. Они светились даже ярче, чем предыдущие, потому в пещере было не совсем как днем, но все же светло. Кроме того, желтоватый свет исходил также от небольших грибов, растущих на камнях.

А прямо перед входом возвышался уступ в два человеческих роста, почти отвесный, и за ним, судя по всему, тупик. Я внимательно осмотрел стену на предмет выступов или щелей и решил, что смогу взобраться без особых проблем, если сниму сандалии.

Меня не покидало странное чувство, что именно туда, наверх, мне и надо.

Ладно, отчего бы и нет? Как минимум наверху я смогу спокойно поспать, не опасаясь, что мертвяки каким-то образом воскреснут и нападут на меня во сне. Я снял сандалии, выключил булаву, сунул ее за пояс и полез.

Дело оказалось несложным, несмотря на вернувшуюся боль от солнечных ожогов. Выбравшись наверх, я сразу же обнаружил местную двойную достопримечательность.

В самом центре площадки, у стены, из потолка росло несколько некрупных, но ярких сталактитов, с которых мерно стекали капельки, а под ними водой была выдолблена небольшая выемка, до краев полная влаги.

Но гораздо сильнее меня порадовало то, что лежало на дне. Огромный предмет, выглядевший как жемчужина, по форме — капля, по размерам — крупная груша.

И он мерцал, несильно, но красиво.

Я немедленно протянул руку и схватил жемчужину. Гладкая, красивая, но... дело было не в этом. Я испытал непоколебимую уверенность, что именно за ней я сюда и пришел и что дальше все будет хорошо.

С этой же уверенностью я и уснул, лежа на голом камне и прижимая жемчужину к груди.

* * *

Моргнул, открыл глаза, шевельнулся... Больно. Болит спина, болят израненные ноги, болят руки, все тело затекло от сна на твердом камне, мышцы ломит. Хочется есть и пить.

С другой стороны, я все еще жив и чувствую себя несколько отдохнувшим. Покрутил головой, похрустел позвонками, подвигал конечностями, разгоняя кровь. Дела мои, конечно, не сахар, но уж точно лучше, чем раньше. Теперь, когда охранявший Слезу бога мертвец окончательно мертв, мое новое тело оборачивается уже не недостатком, а временным преимуществом: старик не сумел бы так быстро восстановиться и обратный путь мог бы стать непреодолимым...

Стоп. Откуда я знаю, что жемчужина называется Слезой бога, почему я точно уверен, что пришел именно за ней и что с ней мне надо вернуться обратно, а не пойти вперед, направо, налево или еще куда-то? Вопросы без ответа. Но если я буду делать так, как велит подсознание, то, может быть, получу свои ответы, тем более что другого плана у меня все равно нет.

А еще я сожалею, что, если — или когда — приду обратно туда, откуда пришел, у меня не будет моего старого, но тренированного тела. Потому что впервые в жизни — или послежизни? — я испытал жгучее желание нарушить принцип использования своих навыков только для защиты ради ублюдка, который отправил меня, или, точнее, предыдущего владельца тела, в пустыню чуть ли не голышом и без припасов. Уверен, приложи я этому мерзавцу в голову удар-другой из тех, которыми убивал свиней, — ни ками, ни Небеса, ни Аматэрасу не разгневались бы. И даже будь он бог этого странного загробного мира — я бы не побоялся клепануть в рожу и божеству. Но с этим вот желатиновым тельцем это получится не удар, а посмешище.

Я засунул жемчужину в карман штанов, хлебнул из выемки — солоновато, но ничего — и принялся спускаться. Внизу надел сандалии, пошел в пещеру с трупами, взял флягу и снова полез наверх.

Здесь погрузил сосуд в воду — набралось почти доверху, пока вода не опустилась до уровня горлышка. Остальное я выхлебал так, почти досуха, и оставшуюся влагу вылизал. Во рту солено с минеральным привкусом, может, оно и к лучшему, я с потом истратил небось немерено соли из организма.

Конечно, поесть бы еще чего, но, видимо, придется потерпеть, ибо светящиеся грибы мне незнакомы — рискованно.

Иду к выходу, но яркий проем в адскую пустыню все не появляется. Ночь! Я не знаю, сколько я спал — только до ночи или до следующей ночи, но в любом случае надо этим воспользоваться. Если хорошенько налечь на ноги, я смогу вернуться, потратив на обратный путь всю ночь и несколько утренних часов... Не знаю, откуда я это знаю — ха-ха, да я в этой заднице еще и шутить способен! — но знаю. И если сейчас не начало

ночи, то тем более надо поспешить, чтобы как можно быстрее добраться... Куда? Куда надо. Медлить нельзя, ведь я... нет, не я, прежний владелец тела добрался до скалы в очень плохом состоянии, хотя я и не знаю, сколько времени он шел и в какое время суток отправился в путь.

Что ж, спешить так спешить. У входа я нашел оброненные ботинки и рубашку. Ноги вошли в ботинки легко, сама обувь неплоха, удобна, хоть и велика. Сразу видно, военка. Рубашку я надел, предварительно вывернув наизнанку, чтобы не касаться телом ткани, которая прилегала к мертвой плоти.

Чуть подумав, снова вернулся к трупу, напоровшемуся затылком на сталагмит. Возле него, если меня не подводит зрительная память, лежала упавшая с головы кепка.

Кепка с камуфляжными разводами действительно лежала там и даже не воняла, поскольку свалилась с головы еще живого человека или как минимум невоняющего. Вот, совсем другое дело.

Выйдя из пещеры, я убедился, что воздух теплый, но не душный, а на чистом небе — россыпь звезд. Пришел я вон от туда, над тем местом... Большая Медведица? Похоже, но... Не она. Какие-то тут звезды другие. Хотя о чем это я, меня едва не угробил зомби, а я звездам удивляюсь.

Сделав несколько шагов, вынул из-за пояса дубинку и бросил в песок: лишний груз мне не нужен, так я буду с каждым шагом перемещать в пространстве на два килограмма меньше, если умножить на множество тысяч предстоящих шагов — вес получается похлеще танкового взвода.

* * *

Я приготовился к тому, что путь окажется нелегким, — и убедился в своей правоте. Ночью было еще сносно, однако у меня начали заканчиваться внутренние резервы. Мне не привыкать к лишениям и крайним напряжениям, однако борьба оказалась труднее, чем когда-либо: в этот раз мне приходилось бороться не только с трудностями изнуряющего пути и неблагоприятными условиями, но и со своим новым телом. Я стойко переносил боль в стертых еще вчера и воспаленных ступнях,

терпел жажду и делал шаг за шагом по зыбкому песку, но колени начали предательски дрожать еще до того, как забрезжил рассвет, и я с этим уже ничего не мог поделать. Приходилось садиться на ближайший камень и отдыхать, теряя драгоценное время относительно прохладной ночи.

Вместе с тем я не мог не отметить, что при таком истощении шаги все равно получаются легкими и быстрыми, по крайней мере, пока не начинают подгибаться колени. Паренек, надо думать, любил подвижные игры, это крепко выручило меня в поединке с мертвецом и все еще продолжало выручать в пути.

Заря занялась довольно не скоро, мне крупно повезло, что я проснулся в начале ночи, а не в конце. Когда солнце поднялось чуть повыше, я выпил из фляги последние шесть глотков, выбросил ставший ненужным сосуд и опорожнил мочевого пузыря. Все, я избавился от того лишнего веса, от которого можно избавиться. Я мог бы растянуть воду еще немного, но моя стратегия выживания базировалась на том, чтобы как можно дольше оставаться в максимально возможной кондиции и идти быстро, а в конце сделать рывок из последних сил и надеяться, что их, этих сил, хватит. Вариант цедить воду крохотными глоточками и страдать от жажды почти с самого начала пути я счел заведомо невыгодным.

Итак, только вперед и настолько быстро, насколько смогу. Предыдущий владелец тела свалился, совсем немного не добравшись до цели, мне будет вдвойне обидно умереть, не добравшись столько же до спасительной исходной точки.

Пустыня стремительно превращалась в гигантский гриль, но на этот раз у меня хотя бы была какая-никакая защита. Кепка и рубашка спасали от прямых солнечных лучей, ботинки, уже насквозь пропитанные изнутри сукровицей и кровью — все же получше сандалий, в которых песок стирал мои ноги, словно наждачка. Но у паренька, который шел «туда», этого не было изначально, и я могу только догадываться почему. Если бы он, предположим, сбежал в пустыню без ничего, почти голышом — откуда непоколебимая уверенность в том, что надо вернуться?

Ладно, гадать не резон, это все равно что писать хаси¹ по бульону — бессмысленно и некрасиво. Доберусь — может быть, узнаю.

Снова начала мучить жажда, которая стремительно усиливалась. На пути «туда» у тела был некоторый запас влаги в тканях — так он израсходовался сразу, а все, чем я пополнил его, — два стакана из фляги покойника и вода из выемки. Я очень сильно сглупил, что не набрал воды до того, как заснул, тогда за время сна в выемку могло бы капать еще немного. Но увы, после боя кулаками махать глупо, облажался — сам виноват.

Поднявшись на бархан, чтобы осмотреться, я увидел впереди горную гряду, идущую поперек моего пути. И чуть левее курса — перерыв в сплошной каменной стене. Стало быть, решил я, туда и надо идти, возможно, там ущелье, по которому я миную гряду, другого пути может и не быть, а взобраться на скалу мне, скорее всего, не удастся.

И я припустил из последних сил: даже если это еще не конец пути, солнце висит сбоку, а не над головой, и вертикальные стены ущелья могут стать для меня укрытием от палящих лучей.

Часом позже я дохромал до скалы и убедился: действительно ущелье, шириной метра три. Что ж, поглядим, что ждет меня на той стороне.

Войдя в спасительную тень, пошел дальше и обнаружил, что на песке остались следы. Их было довольно много, я насчитал не менее десяти разных следов от обуви разного типа и размера. Никакого сомнения: я иду верным путем.

Впрочем, ущелье, возможно, не такое уж и проходное, как кажется, ветер по нему не гуляет. И если так, то следы теоретически могут оставаться на песке довольно долго... Мою догадку подкрепил след гладкой обуви небольшого размера, который, где бы я его ни замечал, неизменно оказывался отпечатанным поверх любых других следов. Кожаные сандалии, и я даже догадываюсь, на чьих ногах они были...

¹ Палочки для еды (*яп.*).

Колени снова предательски дрожат, я сажусь на камень — тут он не так горяч, как в пустыне, — и сижу, мысленно считая до трехсот. Пять минут — все, что я могу выделить на отдых. Вот время прошло, я снова усилием воли заставляю себя встать и идти дальше. Здесь ущелье чуть изгибается, я прохожу поворот — и чуть ли не упираюсь носом в широкую спину в чем-то похожем на спортивный костюм.

И это довольно-таки вонючая спина.

Владелец треника и спины, услышав мои шаги, разворачивается, одновременно нанося удар, я успеваю присесть и откатиться в сторону, так что сверкающее лезвие проходит над моей головой.

Еще один перекат, вскочить, сжимая зубы и пошатнувшись от изнеможения, разорвать дистанцию. А мертвец, относительно свежий и еще не успевший сохнуться до состояния мумии, начинает наступать, замахиваясь для очередного удара. Делает он это не совсем так, как давешний буздыганчик — тот был неуклюж и механичен, а движения мечника выдают несколько большее прижизненное мастерство.

Дела мои не ахти, ибо главный козырь — подвижность — практически сошел на нет. Как хорошо, что перед встречей я передохнул пять минут, иначе сейчас все было бы еще хуже, чем есть.

Покойник надвигается, и у меня, скорее всего, только одна попытка, я не уверен, хватит ли сил на вторую. Что ж, будь что будет.

Он поднимает руку с мечом на уровень живота — то есть на уровень моей груди — и разворачивает лезвие горизонтально. Я иду на сближение. Ну же, танцор немощный, покажи, что можешь!

Два шага вперед, мой и его, я в пределах досягаемости клинка. Вот он, удар. Не получится, что задумал, — я труп снова.

Ноги танцора выручают, мне удастся очень резко изменить передний ход на задний, меч мелькает так близко от моей груди, что, кажется, даже задевает рубашку, но противник уже раскрыт.

Я бросаюсь вперед, мимо него, снова упираюсь ногой в песок и отталкиваюсь, метнув свое тело в спину противнику, моя нога, на этот раз уже в ботинке, четко ставится под колено.

Мы летим наземь оба, но я сверху — и я быстрее, и руки мои, к счастью, не так утомлены, как ноги. Я отталкиваюсь ладонями от его спины, мягкой и слегка припухшей, вскакиваю на ноги и правой наступаю на его запястье, наклоняюсь и изо всех сил вцепляюсь в рукоять оружия.

Мертвец оказался необычно сильным. Он потянул руку к себе с такой мощью, что его посиневшая, вздутая кожа прямо слезла с плоти, однако к этому моменту я успел вывернуть его кисть так, чтобы меч уже находился вертикально, и я крепко держал его под крестовиной.

Поворот кисти против большого пальца сделал свое дело: под моим ботинком мертвец протащил уже обезоруженную руку. А я тем временем отступил на два шага и перехватил оружие поудобнее.

Меч — странный гибрид. Клинок — прямой, один в один как у ниндзято, но полноразмерной длины, как у катаны. Рукоять из наборной кожи, но овальная форма и длина — тоже как у катаны. Однако на конце — противовес, у японских мечей отсутствующий, и вместо круглой цубы — крестовина. Сойдет.

Вот теперь все совсем наоборот, и у противника еще меньше шансов, чем было у меня.

Потому что как-никак в кэндзюцу у меня тоже черный пояс.

Руки с желатиновыми мышцами — не самый лучший вариант, но мастерство, как говорится, пропить нельзя. Я выбрал идеальный в этой ситуации замах, угол и точку удара и выполнил движение настолько филигранно, насколько мне позволила немощная сила истощенного танцора. Все остальное сделала вес и острота меча.

Мертвец, успевший подняться только наполовину, лишился верхней половины головы и, расплескав гниющее содержимое черепной коробки, распластался в песке.

А все-таки почему поражение мозга упокаивает их? Ведь он, этот мозг, распухший и истекающий гнилостными соками,

и так в откровенно нерабочем состоянии... Ладно, отложу этот вопрос на потом, если «потом» у меня вообще будет.

Сил сделать энергичный взмах, чтобы стряхнуть с клинка в песок то, что на нем осталось, нет, потому кое-как вытираю меч о спину покойника, взваливаю на плечо и хромаю дальше. Ноги дрожат пуще прежнего, но зато боли в ободранных и окровавленных ступнях не чувствую: привык.

Еще немного, еще чуть-чуть. Если я миную ущелье и на выходе не увижу конечной цели своего кошмарного пути — брошусь на меч, потому что сил уже нет совсем, а способ умереть быстро как раз появился.

Но миновать ущелье я не мог. Просто потому, что пятью минутами позже наткнулся на десятиметровую стену, полностью перегородившую проход, и ворота. Наверху — пара часовых в странных красных одеяниях, у ворот — какой-то тип в форме цвета хаки. Вот он поднимает руку с зажатой саблей и бьет по воротам. Поднимает и бьет. Поднимает и бьет.

Еще один покойник, я догадываюсь об этом еще до того, как он поворачивается ко мне.

Последний поединок — и я спасен. Кажется. На ногах уже стою только каким-то чудом, но падать не намерен. По крайней мере, живым я не упаду.

Мертвец, волоча саблю по песку, медленно двигается ко мне. Я становлюсь в стойку, самую устойчивую, какую только знаю. Ноги дрожат, а вот руки вроде бы не очень. Поднимаю меч и жду. В кэндо недаром есть поговорка: «Кто делает первое движение, тот проигрывает». Я вообще-то кэндо всегда считал забавой детишек, ведь эта дисциплина ставит во главу угла «до» — путь. Путь меча — не совсем боевое искусство, это метод патриотического и волевого воспитания. Другое дело кэндзюцу: это настоящая боевая дисциплина, тоже с мечом, но тут главную роль играет именно мастерство боя. Потому кэндзюцу — всегда более зрелищный спорт, с агрессивными энергичными ката и приемами.

Но вот сейчас у меня нет никакой энергии и сил на агрессивное наступление. Я просто поднимаю меч и жду. И хотя

принцип «кто делает первый ход — проигрывает» на самом деле миф, заблуждение — в случае с медлительным мертвецом может и сработать.

Вот он делает шаг вперед и отводит правую руку с оружием для кругового удара. Пора. Я бью сверху вниз, одновременно приседая, клинок хоть и слегка затупленный, но удар наискось и вниз с легкостью отделяет голень противника от бедра. Мертвец падает на правую руку, лишаясь возможности нанести ответный удар, а я обхожу его сбоку и точным ударом вгоняю клинок в шею, отделяя голову.

Теперь — не упасть, просто не упасть. Оставляю меч торчать в песке, бреду к воротам и задираю голову. Я смотрю на охранников, они — на меня, словно ждут чего-то. Пароль? У меня нет сил крикнуть им, да и... есть ли смысл?

Вспоминаю о жемчужине, достаю ее из кармана, поднимаю вверх, чтобы им было лучше видно.

Обоих сразу же словно подменили. Сдержанные и неподвижные прежде, они повернулись на ту сторону и что-то закричали, жестикулируя.

Вот оно!!! Створки ворот со скрипом приотворяются, и я из последних сил хромаю к проему, пока они не передумали.

Вхожу на обширный двор — ба, да тут целая делегация меня встречает.

Ближе всего — полукруг солдат. Слева — несколько пехотинцев со странного вида автоматами, но в остальном их синесерая форма и шлемы с прозрачными щитками напоминают американскую группу захвата SWAT¹. Справа от меня — четверо необычного вида штурмовиков в черно-желтой броне и с еще более необычным оружием. За ними дальше — целая площадь монахов в красных робах, а сбоку — две группы людей в гражданской одежде.

Ко мне спешит, путаясь в полах сутаны, толстый краснопозолоченный монах, должно быть, главный. Это ему я должен отдать жемчужину?

¹ Игра слов. Дословный перевод аббревиатуры — «Специальное оружие и тактика», однако слово «swat» значит также и «прихлопнуть».

Он опускается на колени, принимает от меня эту штуку с благоговейным выражением лица, а затем вскакивает и поднимает мерцающую каплю над головой.

— Узрите же ее! — кричит он. — Узрите! Теперь вы все знаете волю господа нашего!!

Но я волю его господа узреть не сумел. Мир качнулся и начал стремительно переворачиваться, ко мне бросились штурмовики в желто-черном.

А потом я погрузился во тьму.

* * *

Выныриваю из полудремы, покачиваясь на мягких волнах, открываю глаза.

Слева и справа попискивают какие-то хитрые приборы, сверху спускаются прозрачные трубки, висит пакет с жидкостью. И ничего не болит, красота-то какая... Приподнимаю голову — ноги в бинтах. Да я весь в бинтах и мазях. И кровать качается. Больница, только с убаюкивающей кроватью? Слева шторка, за которой проносятся неясные очертания... «Скорая помощь»... Нет. Медицинский блок, в котором я нахожусь, великоват для автомобиля. Поезд?

А, что гадать, проще позвать кого-то, кто рядом.

— Есть кто живой? — слабым голосом спрашиваю я и напрягаюсь.

Я сказал это не по-японски.

За дверью с окошком в узком коридоре появились двое, при этом один сделал другому предостерегающий или запрещающий жест и оставил его за дверью, а сам вошел.

Я смотрю на него, он на меня. Я на него с удивлением, он на меня — как на... да, на пациента, хоть и немного странно. Затем он делает жест, вызывая на приборчиках серию вспышек и огоньков, проводит какой-то палочкой надо мной с ног до головы, сам себе кивает и показывает мне кулак с тремя оттопыренными пальцами.

— Сколько пальцев ты видишь?

Он очень странно выговаривает слова. Паузы между звуками короткие, между словами — такие же, кажется, что он про-

износит фразу как одно слово, но вместе с тем я хорошо разбираю, что говорит мой доктор. У него идеально симметричное белое лицо, прямой нос, голубые глаза с абсолютно однородными радужками и зрачки с едва заметной вертикальной овальностью. Губы тонкие и бледные. Пальцы — длинные, изящные, холеные.

— Три, доктор... Мне сильно досталось?

Он тыкает в меня пальцами — в щеку и висок, понятия не имею зачем. Активные точки?

— Все хорошо. Теперь. Раньше было плохо, но это уже позади. — Он сказал это почти как одно слово.

— Спасибо, доктор... У меня есть пара вопросов...

— Ответы сейчас будут.

Он вышел и обратился к тому, который ждал в коридоре.

— Пятнадцать минут, пока действует лекарство. Не. Более. — Два последних слова были сказаны подчеркнуто раздельно, мягко, но с непоколебимым нажимом.

Второй кивнул и вошел в тесный медотсек.

— Приветствую вас, сэр Рэмм. Счастлив видеть вас в сносном здравии и при хорошем имени.

Он выглядел как обычный человек лет сорока пяти, с наметившейся лысинкой, некрасивый, но и не урод. Человек как человек... какой разительный контраст с идеальным доктором.

— Простите... Что вы имеете в виду насчет имени?

— Ваше доброе имя восстановлено конечно же, с чем я и поправляю вас, сэр Рэмм.

— А оно было запятнано?

У него на лице появилось беспокойство:

— Как? Вы не помните?

Помню ли я? Уместно ли слово «помнить», если я в этом теле гость? Или... не гость? Кто я?

— Я совсем ничего не помню... Сумбур в голове... Я даже имя свое вспомнил только после того, как вы его назвали... Даже вот сам удивляюсь — как я мог забыть свое имя... Смешно, правда?

— Надо позвать докто...

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ БОЕВЫХ ИСКУССТВ

Дзиттэ — ката, упражнение в боевом искусстве.

Айкидо — боевое искусство.

Дан — степень мастерства в японских боевых искусствах, и не только в них. Низший дан — первый, высший — девятый. В исключительных случаях присуждается также десятый дан, зачастую посмертно.

Дзю-дзюцу — старояпонское боевое искусство, практиковавшееся против противника в доспехе. Предок современного джиу-джитсу.

Додзё — школа, место, где учат. В том числе боевым искусствам.

Камикадзе — дословно «божественный ветер». Так назвали тайфун, дважды уничтоживший флот хана Хубилая, пытавшегося покорить Японию. Выбор этого слова для летчиков-смертников не случаен.

Катана — японский двуручный меч для бездоспешного боя.

Кэндзюцу — боевое искусство владения мечом.

Макивара — мишень для стрельбы из лука и отработки ударов.

Маэ-гэри — прямой проникающий удар ногой.

Ниндзято — дословно «меч ниндзя». Был в обиходе у ниндзя.

Сокуто-гэри — прямой удар ребром стопы.

Сэйкэн-цуки — прямой удар кулаком.

Тайхо-дзюцу — техника ареста.

Тамэсивари — разбивание предметов руками и ногами в карате.

Татэ-цуки — прямой удар вертикально расположенным кулаком.

Тейсинтай — оригинальное название камикадзе. Само слово «камикадзе» «вернулось» в Японию уже после войны.

Тотэ — боевое искусство китайского происхождения, предок карате.

Тэйсе-цуки — удар ладонью вперед.

Уширо маваси тоби гэри — удар с обратного разворота ногой в прыжке.

СОДЕРЖАНИЕ

ЖЕСТКО И БЫСТРО. Фантастический роман	5
<i>Словарь терминов боевых искусств</i>	310